

Вторникъ, 6-го Іюля 1904 г. № 453

Полтавскіѣ Вѣстникъ.

3

Въ мартѣ этого года въ Ялтѣ хорошили Дмитріева, врача и общественнаго дѣятеля. Въ маленькую церковь деревни Аутки собралось, однако, немного народа и только къ панихидѣ подошли врачи и нѣсколько постоянныхъ горожанъ.

Въ углу, за свѣчнымъ ящикомъ, стоялъ худой изможденный человѣкъ въ скромномъ потертомъ черномъ пальто съ чернымъ шарфомъ на шеѣ. Волосы на головѣ и въ бородѣ, рѣдкіе, осѣкшіеся, и блѣдное, исхудалое лицо, рѣзко выдавшіяся жилы на шеѣ и впадины худобы показывали, что человѣкъ недавно всталъ съ постели. Но его узнавали и въ полутьмѣ угла; почтительно и радостно тянулись къ нему посѣтители храма и, отойдя, оглянувшись, вадыхали—такъ тревоженъ былъ видъ этого больного человека.

Это былъ Чеховъ.

Началась панихида и рѣчи. Антонъ

Павловичъ вышелъ изъ своего угла и протискался въ толпу стѣснявшихся слушателей. Ему уступили-бы дорогу и такъ. Но онъ подвигался впередъ такъ осторожно и незамѣтно, что никто не былъ обезпокоенъ. И страшенъ былъ взглядъ его глазъ.

Какіе-то стеклянные, потерявшіе блескъ и цвѣтъ, они не были просто больными. Какое то удивленіе, тяжелая растерянность сѣвозили въ нихъ. Это было въ одно и то же время и жалость, и упреки, и спокойное прощеніе.

— Зачѣмъ? Развѣ такъ?—говорили глаза.—Развѣ жизнь только уныла и сѣра? Развѣ въ ней только похороны?

На маленькомъ церковномъ дворѣ гуляла молодежь, стояли колесницы съ вѣнками, собирались провожать на кладбище.

Антонъ Павловичъ вышелъ, и около него тревожно суетился его братъ (служить въ Ялтѣ въ пароходномъ Обществѣ).

Почитатели подходили на нѣсколько словъ, торопливо уходили и шептали брату: „поберегите, пусть не ходить“...

Уже тогда всѣ боялись рокового конца.

Но тихимъ шагомъ, вздыхая и шапая, вѣжливо отстраняясь предъ толпой, любопытно слѣдя за шаловливыми мальчишками, больной писатель все же потянулся въ гору, на кладбище...

* *

Тамъ, гдѣ городское управленіе Ялты уже не заботится о чистотѣ и порядкѣ улицы, на окраинѣ, въ верхней Ауткѣ, надъ широкимъ оврагомъ, стоитъ маленькая дачка Чехова. Пройтись къ ней тѣсно, неудобно и грязно. За каменной бѣлой стѣною есть маленькій садикъ и довольно унылый двухъэтажный домикъ.

Садикъ насалилъ онъ самъ и заботливо за нимъ ухаживалъ. Сюда забѣжало къ нему туристы, которыхъ братъ или жена старались отстранить отъ безпокойныхъ визитовъ.

Но самъ писатель всегда, даже больной, любезно выходилъ, терпѣлъ шумную болтовню и крѣпился, будучи совсѣмъ слабымъ.

Его отношеніе къ людямъ было внимательное, любезное, терпѣливое; можетъ быть этой предупредительности, этого уваженія чужой личности Антонъ Павловичъ и желалъ своимъ „хмурымъ“ людямъ въ „сумерки“ ихъ существованія.

Только давно, года 3 назадъ, когда онъ еще смѣло и часто гулялъ по набережной, и его преслѣдовали знакомствами и бесѣдами курортныя скупающія дамы, онъ сердился и былъ рѣзокъ. И веселящаяся публика Ялты поняла тогда, что писатель, тратящій такъ горячо и щедро свое сердце, не можетъ быть предметомъ развлеченія и любопытства.

* *

Но тамъ, гдѣ не было одного только банальнаго интереса, гдѣ не было безцеремоннаго любопытства,—какъ онъ былъ нѣженъ, внимателенъ, сердеченъ!

Въ Ялтѣ былъ учитель начальной школы Щ. Случайно на прогулкахъ онъ встрѣтился и познакомился съ А. П. и тотъ сдѣлалъ его членомъ своего очага. Узнавъ, что Щ. съверянинъ, Чеховъ вдругъ сюрпризомъ началъ присылать ему газету „Сверный Край“, книжки о свверѣ.

Узнавъ, что Щ. не чуждъ литературѣ, Чеховъ, уже больной, бралъ къ себѣ его рукописи, прочитывалъ, дѣлалъ указанія, брался вести переговоры съ редакціями. А вѣдь Щ. вовсе не профессиональный и даже незамѣтный литераторъ.

Въ мартѣ Щ. (теперь уже священникъ) узналъ отъ брата А. П., что Чехову опять тяжело нездоровится. Щ. быстро поспѣшилъ въ больницу.

Въ спальнѣ, въ компрессахъ и повязкахъ, Антонъ Павловичъ встрѣталъ Щ. вопросомъ:—А какъ Наташа? здорова? Теперь вѣдь скарлатина... [Наташа—трехлѣтняя дочь Щ.]. И, едвигаясь, онъ передалъ для нея съ письменнаго стола уже завернутую, приготовленную къ отправкѣ книжку.

Это была „Каштанка“ въ изданіи Маркса съ рисунками и въ роскошномъ переплетѣ.

* *

Уже давно онъ чувствовалъ ослабленіе своего организма. И онъ зналъ его причины!..

Москва, бѣдные студенческіе годы, бѣдные годы первыхъ литературныхъ сжатаній—вотъ что подготовило почву, на которой смѣло могли побѣждать разнообразные недуги.

— Я не могу широко работать на общественной аренѣ,—говорилъ онъ Щ.,—я нездоровъ; и литература—единственная сила, дающая мнѣ силы.

Когда я въ сферѣ своихъ воспоминаій, впечатлѣній, новыхъ мною созданныхъ образовъ,—я забываю свои недуги, я—силенъ..

И онъ писалъ, писалъ и больной, скрывая свои сюжеты и планы, пока они не вырисовывались предъ нимъ совершенно рельефно и детально. Въ этомъ случаѣ онъ былъ скрытенъ. Но вѣдь и Гете совѣтовалъ:

„Чтобъ творить, въ уединеніи О, художникъ, уходи! Довершать свое твореніе Въ кругъ другихъ людей иди.“

Но только теперь, на вершинѣ славы, можетъ быть, литература была для него и орудіемъ общественнаго вліянія, и предметомъ удовлетворенія.

Онъ шутливо вспоминалъ, какъ въ первые годы созданія маленькихъ рассказовъ, ихъ браковали редакторы, и онъ долженъ былъ представлять взамѣнъ новыя.

А потомъ, позже, немного пересмотрѣнный рассказъ, но существенно сохраненный, принимался съ удовольствіемъ редакторомъ. Чеховъ смѣялся при этомъ воспоминаніи, добродушно забывая тѣ тревоги, которыя въ свое время производила въ немъ эта редакторская безцеремонность. Онъ рассказывалъ это ободрительно, въ утѣшеніе начинающей молодежи.

* *

Даже и въ послѣдній годъ своей болѣзни и жизни, онъ тщательно слѣдилъ за литературой, самой разнохарактерной и разнообразной. Къ священнику Щ. еще въ февралѣ 1904 г. онъ присылалъ за „Миссіонерскимъ Обзорѣніемъ“, за „Церковными“ и „Епархіальными Вѣдомостями“. И онъ бесѣдовалъ о нихъ... Онъ зналъ, что жизнь шире теорій и симпатій, и безпристрастно старался *глянуть всюду*. Онъ зналъ, что и въ строго-по слѣдовательномъ кальвинизмѣ и въ методическомъ квакерствѣ, какъ и во всякой партійности, могутъ быть свои „сумерки“, свои „хиурные люди“, свои „будни“, а ихъ то онъ и не любилъ. Онъ зналъ, что только бережное отношеніе къ своей и чужой душѣ, когда ее не давятъ ни тисками предразсудка, ни обухомъ принципа, только сохраненіе *живой души*, какими бы своеобразными интересами она не жила,—способно освѣтить, осмыслить, осясчастливить жизнь.

И, ухаживая за садомъ, онъ говорилъ Щ.: „Берегите минуты жизни! Не давайте душѣ скучать! Утѣшайте ее хоть чѣмъ-нибудь!“.

Вятерьъ.

Комментарий

Дмитриев Владимир Николаевич (1838–1904) – военный (позднее земский) врач, климатолог, пионер виноградолечения, общественный деятель, организатор и популяризатор курортов Южного берега Крыма.

...учитель начальной школы Щ. ~ теперь уже священник... – имеется в виду Сергей Николаевич Щукин (1872–1931), законоучитель в церковно-приходской школе Аутки (1899), священник Троицкого собора в Керчи (1900), законоучитель в женской гимназии (1901) и ключарь собора св. Александра Невского (1902) в Ялте; впоследствии протоиерей, богослов и публицист, знакомый Чехова.

«Чтоб творить ~ людей иди» – из романа Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (Кн. II, гл. 8. Пер. Н. Холодковского).